

Чжэн Цзянь дал ему шанс сняться в «Тринадцатом повесе» не ради дружбы с Иньшэном и не под влиянием красноречия его агента. Это было просто спонтанное желание привлечь его, чтобы посмотреть, остался ли он таким же глупым, или действительно сможет соответствовать ожиданиям.

Он отправил приглашение и получил ответ.

Чжэн Цзянь обычно не задерживался надолго с партнерами по постели — это было скорее взаимное удовлетворение потребностей. Когда надоедало, он менял их. Но он был крайне строг в управлении каждым отношением, требуя абсолютной верности, словно был заключен контракт. Контракт мог быть расторгнут в любой момент, но ни одна из сторон не имела права нарушать его. Таковы были его правила.

Шан Чжэ действительно был тем, с кем он пробыл дольше всех. Даже сам Чжэн Цзянь не ожидал, что все будет настолько гладко, что у него не возникнет желания расторгнуть договор. Или, другими словами, он совершенно не хотел, чтобы Шан Чжэ выходил из-под его контроля.

Чжэн Цзянь знал, что Шан Чжэ хотел сняться в фильме «Персики и сливы безмолвны». Он также знал, что несколько ключевых ролей в этом фильме уже были распределены, и чтобы заменить кого-то, нужно было заплатить цену.

Он не позволил Шан Чжэ сняться, приведя вполне разумные аргументы. В то время Шан Чжэ был слишком импульсивен, стремился доказать себя, но выбрал неверный путь, что могло ему навредить.

К тому же, даже после столь долгого времени, проведенного вместе, он все еще считал его глупым. То, что ему полагалось, он робко не решался требовать, словно стесняясь; а то, что ему не полагалось, он с энтузиазмом пытался заполучить, несмотря на все уговоры.

Такой человек, не умеющий заботиться о себе, по мнению Чжэн Цзяня, нуждался в его опеке и управлении, иначе мог попасть в беду. Поэтому он вмешался, но не ожидал, что столкнется с таким сильным сопротивлением.

Когда Чжэн Цзянь узнал, что Шан Чжэ пошел на ужин с продюсером того фильма, его лицо мгновенно потемнело.

Юань Цзянь был известен в кругах как геем, и число актеров, переспавших с ним, было неисчислимо. Приглашение Шан Чжэ на ужин было явным намеком, но Шан Чжэ, похоже, не осознавал этого.

В тот момент Чжэн Цзянь хотел схватить его и выпороть, но как раз в это время возникли проблемы с крупным проектом в Чицзэ. Он был в командировке за границей, когда получил известие, и мог только позвонить и отчитать его за отсутствие мозгов.

На том конце провода Шан Чжэ вяло ответил:

— Я не настолько глуп. От того фильма... я отказался.

Чжэн Цзянь успокоился:

— Хорошо, что ты знаешь меру. Держись подальше от Юань Цзяня.

— Ох. — Шан Чжэ замешкался. — Чжэн Цзянь... я...

Он слишком долго колебался, а у Чжэн Цзяня в это время была важная встреча, поэтому он сказал: «Поговорим позже», добавил несколько наставлений и повесил трубку.

Шан Чжэ так и не закончил свои мысли.

Эта суматоха продолжалась больше месяца. Когда Чжэн Цзянь вернулся в страну, он, возможно, из-за переутомления, заболел.

Приняв лекарства, он лег спать дома, а Шан Чжэ пришел ухаживать за ним.

В полубессознательном состоянии Чжэн Цзянь сказал ему:

— Чицзэ инвестировал в современный городской сериал. Производственная команда неплохая, с Иньшэном я уже договорился. Ты будешь играть главную мужскую роль, позже твой агент обсудит детали.

— ...Понял. — Шан Чжэ приложил ледяной компресс к его лбу.

На следующее утро Чжэн Цзянь почувствовал прохладную влагу на своих губах.

Он с трудом открыл глаза, но снова поддался сну.

Когда он окончательно проснулся, на прикроватной тумбочке стояли вода, лекарства, молоко и хлеб.

Шан Чжэ уже был на рейсе в США.

Шан Чжэ считал, что принял очень мудрое решение. Он хотел вырваться из-под контроля Чжэн Цзяня, найти свой собственный путь. Он думал, что его поступок станет сигналом о завершении их отношений.

Но он уехал за границу без предупреждения, и Чжэн Цзянь не понял его намерений.

Все способы связи были оборваны, и Чжэн Цзянь не мог дозвониться до него.

С точки зрения Чжэн Цзяня, отъезд Шан Чжэ был настолько решительным, насколько и загадочным.

Он не поехал искать Шан Чжэ в США. Он не верил, что тот не вернется. Пока он не скроется за границей навсегда, все нерешенные вопросы должны быть улажены.

Так они оказались в тупике.

Чжэн Цзянь впервые в жизни тратил свое время и терпение. От ярости он перешел к недоумению, затем к оцепенению и, наконец, к привычке. В конце концов, казалось, их связывала лишь тонкая нить.

В конечном итоге, именно тот утренний поцелуй заставил его ждать три года.

За эти три года он поддерживал певца по имени Хэ Чжицзе.

Тот был участником шоу талантов и стремился стать вторым Шан Чжэ. Его агент был тем же, что и у Шан Чжэ до его отъезда.

Агент, следуя шаблону, привел Хэ Чжицзе к Чжэн Цзяню, полагая, что разгадал его вкусы и предпочтения, и думал, что любой подобный тип будет принят без вопросов.

Но такие подражатели всегда выглядят комично и скучно.

Хэ Чжицзе был послушным и покладистым. Вновь и вновь он искусственно создавал совпадения, стараясь угодить и подлизаться к нему, мастерски играя роль неопытного новичка и держась на расстоянии.

Чжэн Цзянь не хотел спать с ним, но и не хотел терять такой источник развлечений. Поэтому он заставлял его петь песни Шан Чжэ, а затем безжалостно критиковал, говоря, что он не может передать чувства Шан Чжэ, и заставлял переделывать.

Хэ Чжицзе был в отчаянии. Его голос и стиль были очень похожи на Шан Чжэ, и даже тембр был лучше, что подтверждалось профессиональными музыкантами. Но для Чжэн Цзяня он был «далек от идеала». Изначально он пришел, чтобы его продвинули, но в итоге сам не понимал, что делает.

К счастью, Чжэн Цзянь дал ему немного преференций, помог ему пробиться на официальную сцену.

Но он не ожидал, что это принесет ему неприятности.

Виниловая пластинка все еще вращалась, песня состояла из трех дорожек: аккомпанемент, вокал и бэк-вокал. В отличие от более поздних версий, она не была такой плавной. Если прислушаться, бэк-вокал состоял из множества странных, скрытых звуков.

Это были звуки дыхания, липкие и ритмичные шлепки.

Смешанные с нотами, гневно звучали слова, знакомые ему до боли:

*

У этого чувства есть конец, этот конец не нужно оплакивать...

Расставание — это прыжок через прошлое, через завтра, которое казалось недостижимым...

*

Стоны страсти прерывисто звучали, то сдерживаясь, то ускоряясь, тихо растворяясь в глубоком пении, создавая соблазнительную атмосферу.

*

Город еще не построен, человек в свете фонарей все еще бродит в одиночестве.

Если все это лишь взаимная вежливость, когда все долги погашены...

*

*

Кто причалит,

Кто уже отплыл...

*

Чжэн Цзянь выпил вино, его пальцы мягко постукивали по краю бокала в такт песне Шан Чжэ. Песня подходила к концу, основной вокал постепенно затихал, но бэк-вокал становился все отчетливее.

— Чжэн Цзянь... ах... мм!

Это был финальный выброс бэк-вокала, размазавшего полускрытые желания по всей песне, передавая Чжэн Цзяню вызов с оттенком грубости.

После короткой паузы хриплый голос внезапно взорвался в микрофоне:

— Еб твою мать!

Это был самый совершенный «Взаимный обмен».

Ты продвигаешь певца, который подражает мне и поет мои песни, а я вернусь, чтобы затмить его.

Эту песню для соло-секса я тебе дарю.

Шан Чжэ, ожидая Дин Ци, листал Weibo. Новости о его возвращении с сыном все еще были горячими. Независимо от того, что он публиковал, фанаты и хейтеры начинали спорить.

Например, сегодня он опубликовал: «Доброе утро! Готовлюсь к работе [вперед]!» с фотографией себя за столом, на котором стояла тарелка с салатом и сэндвич с ветчиной и яйцом. Он держал кружку с рисунком коровы, поднимая ее в тосте.

[О боже! Первая сотня! Шажэ-глупыш, ты такой милый!]

[С утра увидеть кумира — это счастье! [Люблю][Люблю][Люблю]]

[Эй! Что, перестал спекулировать на сыне?]

[Как ты говоришь? Это не спекуляция, папарацци сделали фото, мой Шажэ — жертва, окей?]

[Смешно, твой кумир сел в поезд без билета, он жертва? Девушка, которая родила ему ребенка и осталась без имени, вот кто жертва, безответственный ублюдок!]

[Хочу увидеть маленького Шажэ [Жалко]! Пожалуйста, возьми его на шоу «Папа, вперед!»]

<http://bllate.org/book/17718/1655958>